

Изъ писемъ Ивана Васильевича Кирѣвскаго къ Оптинскому іеромонаху Макарію.

Много и сердечно уважаемый батюшка!

Я давно уже¹⁾ не слѣжу за нашею литературою, и потому не знаю, что дѣлается съ нашимъ языкомъ и какіе законы онъ принимаетъ. Поэтому я въ этомъ случаѣ имѣю счастье имѣть сходство съ вами, милостивый батюшка. Также какъ и вы, не понимаю, почему по русски нельзя сказать: вопросъ того же къ тому же. Но если о. Амвр., Авва Іоаннъ и Левъ Алекс. держатся этого мнѣнія, то, конечно, оно имѣетъ какое нибудь основаніе. Впрочемъ С. П. Шевыревъ, который былъ у васъ, вѣроятно, разрѣшилъ ваши сомнѣнія своимъ профессорскимъ авторитетомъ. Очень любопытно мнѣ будетъ видѣть переводъ вашъ первой главы С. Исаака, также и замѣчанія ваши на переводъ Лаврскій²⁾. Въ присланной вами рукописи С. Григорія Паламы есть нѣкоторыя мѣста очень темныя. Я сличалъ нѣкоторыя изъ нихъ съ Греческимъ подлинникомъ въ Филокаліи, и нашлось, что эта темнота иногда происходитъ отъ пропусковъ, а иногда отъ неправильныхъ знаковъ препинанія. Въ одномъ мѣстѣ я осмѣлился вставить пропущенное слово умъ, безъ чего смыслъ совсѣмъ терялся, въ другихъ же мѣстахъ я не рѣшился этого сдѣлать. Впрочемъ, я списалъ не все. Лексиконъ Греческій нынче отправился къ вамъ (съ м. Аѳанасіею и Магдалиною) тотъ, какой мнѣ показался лучшимъ. Но Ферапонтовъ говоритъ, что въ Саратовѣ изданъ еще Греческо-Русскій лексиконъ однимъ ученымъ Смарагдомъ, изъ духовнаго званія, и если вамъ

---

¹⁾ Съ весны 1845 года, когда И. В. Кирѣвскій издавалъ „Москвитининъ“ онъ, подъ воздѣйствіемъ своей супруги Наталіи Петровны (мать которой Евдокія Николаевна, рожд. Арбенева, находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ разными духовными лицами) занялся усленно чтеніемъ книгъ богословскихъ. П. Б.

²⁾ Т. е. переводъ, которымъ занимались въ Лаврѣ профессоръ Московской Духовной Академіи подъ общимъ наблюденіемъ митрополита Филарета. П. Б.

будеть угодно, то предлагаетъ его выписать. Потому, если вы не будете довольны лексикономъ Косовича, то извольте прислать его ко мнѣ, а лексиконъ Смарагова приказать выписать. Онъ стоитъ 3 р., а Косовича 4 р. Одинъ мой знакомый далъ мнѣ просмотрѣть находящійся у него переводъ нѣкоторыхъ книгъ „Добротолюбія“ на Русскій языкъ. Я просилъ сестру мою списать ихъ и сообщу вамъ. Видно, что переводчикъ владѣеть хорошимъ Русскимъ языкомъ и переводилъ съ перевода Паисія, однакоже имѣлъ и Греческій подлинникъ передъ глазами. Потому читать эту книгу и легко, и пріятно. Однакоже при томъ видно то, что ученый переводчикъ не обращалъ большаго вниманія на тѣ оттѣнки выраженій, которыя въ нравственномъ и духовномъ смыслѣ имѣютъ большую важность. Потому иногда бездѣлица опущенная, или бездѣлица прибавленная измѣняетъ всю силу рѣчи. Потому этотъ переводъ нужно бы было просмотрѣть вамъ и поправить; тогда онъ вышелъ бы прекрасный. Слово Греческое гнозисъ, которое Паисій переводитъ разумъ, въ Русскомъ „Добротолюбіи“, также какъ и въ Лаврскомъ Исаакъ Сиринъ, переводится: „познаніе“. Испрашиваю за тѣмъ молитву и благословенія и съ сердечною преданностію остаюсь вашъ покорный слуга и духовный сынъ И. К.

5 Августа 1847 г.

1852 г.

Милостивый государь, сердечно уважаемый батюшка!

Я вчера отправилъ вамъ по почтѣ мою статью*) съ перерывомъ въ срединѣ (ибо эти листы были въ типографіи) и не успѣлъ при томъ написать къ вамъ ни слова. Я прошу васъ, милостивый батюшка, когда вы будете, по благосклонности вашей ко мнѣ, читать статью мою, то возьмите на себя еще и тотъ трудъ, чтобы исправить въ ней то, что вы найдете требующимъ исправленія. Каждое замѣчаніе ваше будетъ для меня драгоцѣнно. Въ томъ пропускѣ, который я не могъ прислать къ вамъ находятся мои разсужденія о просвѣщеніи Западномъ. Я показываю, что оно вышло изъ трехъ источниковъ: изъ Рима языческаго, изъ Римской церкви и изъ насилій завоеванія, и что всѣ три источника эти направляли умъ Западнаго человѣка къ наружности и предпочтенію разсудка (который разбираетъ внѣшнюю сторону мысли и формальное сцѣпленіе понятій) передъ разумомъ, который стремится къ цѣльной истинѣ. Поэтому я думаю для васъ понятна будетъ моя мысль и не смотря на пропускъ. Для меня же особенно важны будутъ ваши замѣчанія о томъ, что я говорю о св. отцахъ Восточной церкви

---

*) Появившюся въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 г. II. Б.

и о Россіи, какъ она была въ древнія времена. Хотя я думаю, что говорю истину, однакоже чувствую въ то же время, что судить объ этомъ могутъ только такіе люди, какъ вы. А мнѣ не хотѣлось бы сказать ничего неистиннаго или невѣрнаго, особливо объ ученіи св. отцовъ. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ вамъ я писалъ къ вамъ о нѣкоторыхъ пустыхъ тревогахъ, которыя были у насъ отъ пустыхъ мыслей. Послѣ письма моего вамъ, какъ то обыкновенно бываетъ, это безпокойство, благодаря Бога, утихло, по крайней мѣрѣ по наружности.

*

Многоуважаемый батюшка!

Я прочелъ и сличилъ вашъ переводъ первой главы Исаака Сирина и просмотрѣлъ также ваши замѣчанія на переводъ Лаврскій и большую часть изъ нихъ сличилъ съ Паисіемъ; мнѣ кажется, что почти вездѣ вы совершенно правы. Мѣстахъ въ двухъ, и то незначительныхъ, казалось мнѣ, что еще возможно сомнѣніе между Лаврскимъ переводомъ и вашимъ исправленіемъ; но вообще я думаю, что вы были слишкомъ снисходительны къ этому переводу, и въ немъ осталось, сверхъ вашихъ поправокъ, еще очень многое, требующее исправленія. Очень любопытно мнѣ будетъ слышать мнѣніе митрополита. Ваши рукописи и письмо, я доставилъ ему только сегодня, и то черезъ Александра Петровича. Прежде митрополитъ или не принималъ по нездоровью или уѣзжалъ въ Лавру; теперь же онъ готовится къ завтрашнему служенію и также по причинѣ нездоровья не принимаетъ. Если возможно мнѣ будетъ видѣть его завтра, то я постараюсь представить ему ваше мнѣніе о словѣ разумъ и о переводѣ вообще. Разумѣется. слова его сообщу вамъ. Между тѣмъ позвольте мнѣ сказать мое мнѣніе о двухъ словахъ въ вашемъ переводѣ: созерцаніе и доброе. Для чего вы предпочитаете созерцаніе слову видѣніе или зрѣніе? Первое новое, любимое Западными мыслителями и имѣетъ смыслъ болѣе разсматриванія, чѣмъ видѣнія. Потому нельзя, на примѣръ, сказать, что умъ отъ состоянія молитвы возвышается къ степени созерцанія, также какъ нельзя сказать, что онъ возвышается къ степени разсматриванія. Если же одинъ разъ необходимо Греческое слово *θεορία* перевести „видѣніе“, то не худо бы, кажется, навсегда одному слову усвоить одинъ смыслъ. Такимъ образомъ можетъ у насъ составить вѣрный философскій языкъ, согласный съ духовнымъ языкомъ Словенскихъ и Греческихъ духовныхъ писателей. Второе слово доброе, которое на Словенскомъ языкѣ, кажется, значитъ тоже, что на Русскомъ прекрасное, вы вездѣ изволите и на Русскомъ языкѣ переводить словомъ „доброе“. Отъ этого кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выхо-

дить не полный смыслъ. Напримѣръ, въ концѣ Исаакъ Сиринъ, кажется, приписываетъ второму чину разума совершеніе и добраго (по естеству) и изящнаго. По словенски первое названо благое, а второе доброе. Поэтому всю дѣятельность изящныхъ искусствъ можно отнести къ области разума этой степени. Если же слово изящное или прекрасное замѣнить словомъ доброе, то весь этотъ смыслъ пропадетъ. Прошу васъ, милостивый батюшка, сказать мнѣ, ошибаюсь ли я, и въ этомъ случаѣ простить со свойственнымъ вамъ благодушіемъ. (Осмѣливаюсь же я говорить свои замѣчанія вслѣдствіе вашего приказанія. Посланную къ вамъ тетрадь Русскаго перевода Θεοφιλιπτα прошу васъ прочесть и исправить. Языкъ, кажется, хорошъ: но вездѣ ли вѣрно переведено, не знаю. Послѣ вашего исправленія мнѣ бы хотѣлось Комаровскому *) и еще кое кому не могущему читать пословенски, чтобы они получили какое нибудь понятіе о томъ ученіи нашей церкви, которое не знакомо Западу. 21 Августа.

У митрополита я былъ на другой день послѣ того, какъ оставилъ ему ваши рукописи. Онъ въ этотъ день служилъ, несмотря на зубную боль, и рукописей просмотрѣть еще не успѣлъ, а только взглянулъ на нихъ, и изъ того что видѣлъ, замѣтилъ многое такое, въ чемъ неправильность перевода Лаврскаго бросается въ глаза. „Очень бы жаль было, сказалъ онъ, если бы съ этими ошибками рукопись пошла въ печать. Но о другихъ замѣчаніяхъ Оптинскихъ я еще ничего не могу сказать, покуда не сличу съ подлинникомъ“. О словѣ разумъ онъ тоже сказалъ, что ничего не можетъ сказать, не сличивши съ Греческою книгою. Когда же я сказалъ ему, что по всей вѣроятности это по-гречески гнозисъ, то онъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ мудрено переводить иначе какъ вѣдѣніе. Впрочемъ надобно справиться съ текстомъ. О 17-мъ словѣ, въ которомъ выражается понятіе того времени объ устройствѣ солнечной системы, Владыка сказалъ, что, кажется, примѣчанія къ тому мѣсту не нужно, но болѣе объ этомъ не распространялся. Когда же я сказалъ ему, что въ той же главѣ есть мѣсто темное, которое даже и васъ затрудняетъ, то онъ пошелъ за книгою, принесъ (тотъ самый экземпляръ, который онъ, еще бывши архимандритомъ, нашелъ въ библіотекѣ Амвросія и испросилъ себѣ), прочелъ то мѣсто, о которомъ шла рѣчь и задумался. Какъ ваше в-ство изволите понимать это? спросилъ я.— „А вотъ, отвѣчалъ онъ, показывая на поле книги: когда я еще въ первый разъ читалъ это, то поставилъ вопросительный знакъ, который

*) Это графъ Егоръ Евграфовичъ, пріятель И. В. Кирѣевскаго. П. Б.

стоять еще и теперь⁴. Тогда я сказалъ ему, какъ покойный о. Филаретъ объяснялъ это мѣсто, какъ относящееся къ Михаилу Архангелу. Я только хотѣлъ сказать это самъ¹⁾, прервалъ онъ меня. Если таково было мнѣніе о. Филарета и такое же вашего высокопреосвященства, сказалъ я, то для меня кажется уже нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ значеніи этого мѣста. 26 Августа.

Лексиконы, присланные вами съ Полугарскимъ, ко мнѣ доставлены. Но я жалѣю, что возвратили ихъ; ибо тотъ лексиконъ, о которомъ я вамъ писалъ со словъ Феррапонтова Синайскаго (я ошибочно написалъ Смарагдова), не съ Греческаго на Русскій, а съ Русскаго на Греческій. Потому я думаю послать вамъ лексиконъ Ивашковскаго; онъ старый, но, говорятъ, полнѣе Косовича и состоитъ изъ 4 толстыхъ томовъ. Стоитъ онъ 5 руб. серебр. Но лучше ли Косовича, я не знаю. Извольте просмотрѣть его, и если окажется хуже, то извольте прислать назадъ.

*

Сердечно любимый и безпредѣльно уважаемый батюшка!

На этой первой недѣлѣ поста мы начали говѣть. Потому особенно испрашиваю вашихъ св. молитвъ и св. благословенія, преклоняюсь къ стопамъ вашимъ и прося Господа вашими молитвами мнѣ прощенія грѣховъ моихъ, и чтобы Господь даровалъ мнѣ разумъ сердечно сознать всю глубину моей грѣховности и всю божественность той благодати, которой я желаю и готовлюсь сообщить. При этомъ не неумѣстнымъ считаю просить васъ еще и о томъ, чтобы вы вашими св. молитвами и совѣтами устроили и земное неустройство наше, которое доходитъ почти до крайности, и не только ее дѣлаетъ совершенно несчастною, но и Н. П. огорчаетъ почти до болѣзни. Подробности объ этомъ вамъ вѣроятно пишетъ теперь Н. П.; я же говорю только для того, что думаю, судя по нѣкоторымъ опытамъ, что когда горе²⁾ напишется къ вамъ, то Господь тотчасъ же облегчитъ его. Съ безпредѣльнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою и духовнымъ сыномъ И. К. 9 Марта 1853 г.

2 Сентября (1853).

Еще нынѣшнею весною зашелъ ко мнѣ одинъ разъ старинный мой знакомый, Нѣмецкій пасторъ Зедергольмъ и привелъ ко мнѣ познакомить своего сына Карла, который тому года два вышелъ изъ

¹⁾ Если не ошибаюсь, это былъ іеромонахъ, къ которому особенно близки были супруга И. В. Кирѣвскаго и ея родительница. П. Б.

²⁾ Горе состояло между прочимъ въ постоянныхъ ссорахъ супруги Ивана Васильевича Натальи Петровны съ ея сестрою, дѣвицею Александрой Петровной. П. Б.

Университета однимъ изъ первыхъ кандидатовъ и о которомъ его отецъ говорить, что онъ былъ бы дѣльнѣе другихъ его дѣтей, если бы только не былъ слабаго здоровья. Этотъ молодой человѣкъ вскорѣ послѣ перваго знакомства открылся мнѣ, что чувствуетъ превосходство нашего вѣроисповѣданія передъ Лютеранскимъ и даже не прочь отъ того, чтобы принять нашу вѣру. Однакоже это онъ надѣется сдѣлать со временемъ, а прежде отправляется въ Смоленскую губернію*), на нѣсколько мѣсяцевъ, а потомъ думаетъ ѣхать путешествовать въ Грецію и, можетъ быть, тамъ совершить это дѣло. Я совѣтовалъ ему это дѣло не откладывать, если онъ уже убѣжденъ, а лучше поѣхать въ Грецію уже православнымъ. Но чтобы болѣе узнать нашу церковь и окончательно укрѣпить свои убѣжденія, совѣтывалъ я ему поѣхать къ вамъ въ Оптинъ. Онъ принялъ мой совѣтъ и хотѣлъ поѣхать къ вамъ послѣ пребыванія въ Смоленской губерніи, а между тѣмъ будетъ готовить свое семейство къ этому поступку, который тѣмъ тяжелѣе долженъ быть для его отца, что онъ самъ пасторъ и кромѣ того еще страдалъ за свою вѣру, ибо отставленъ отъ своихъ должностей именно за то, что въ проповѣдяхъ своихъ не совѣтовалъ Нѣмцамъ перемѣнять свою вѣру на нашу. Теперь, тому дней 10, онъ возвратился изъ Смоленской губ. и сообщилъ мнѣ, что отецъ его, наконецъ, если не благословляетъ его на это дѣло, то и не противится ему, но предоставляетъ полную свободу поступить по своему убѣжденію, требуя только, чтобы онъ прежде повидался съ нимъ въ деревнѣ близъ Серпухова, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Потому молодой Зедергольмъ хотѣлъ ѣхать къ отцу, а потомъ къ вамъ. Но между тѣмъ, оставаясь еще нѣсколько дней въ Москвѣ, онъ просилъ меня познакомить его съ какимънибудь Русскимъ священникомъ, который бы могъ приготовить его еще прежде Оптина и по знакомству съ которымъ онъ могъ бы скольконибудь узнать хорошую сторону нашего блага духовенства. Я назвалъ ему Сергѣя Григорьевича Терновскаго, какъ человѣка, котораго хотя мало знаю лично, но о которомъ я слышалъ много хорошаго и который вѣрно не откажется заняться съ нимъ. Въ этомъ смыслѣ я написалъ Серг. Гр-у письмо, которое онъ доставилъ самъ. Серг. Григор. точно занялся съ нимъ нѣсколько разъ и произвелъ на него хорошее дѣйствіе; однакоже мнѣ поручилъ сказать съ Облеуховымъ, что почитаетъ лучшимъ кончить это дѣло здѣсь, а не ѣздить къ отцу, ни въ Оптинъ. Однакоже молодой человѣкъ не могъ и не хотѣлъ измѣнить своего обѣщанія, даннаго имъ отцу, видѣться съ нимъ прежде чѣмъ совершить этотъ

---

*) Гдѣ въ Сычевскомъ уѣздѣ въ Дугинѣ, у графини А. С. Паниной, жилъ старшій братъ Зедергольма, врачъ. П. Б.

великій и невозвратный шагъ, и потому отправился въ Серпуховъ вчера. Оттуда же онъ поѣдетъ черезъ недѣлю къ вамъ, если найдетъ, что не затруднительно проѣхать изъ Серпухова въ Калугу. Въ противномъ же случаѣ онъ воротится въ Москву и окончитъ уже это дѣло здѣсь, а къ вамъ поѣдетъ послѣ поговѣть и познакомиться съ вами, многоуважаемый батюшка, и видѣть вашу обитель, и между прочимъ познакомиться съ о. Иоанномъ, о которомъ я ему говорилъ, какъ о человѣкѣ, который находился нѣсколько въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Я не боялся затруднить васъ этимъ, батюшка; ибо дѣло идетъ о спасеніи души. Можетъ быть то, какимъ образомъ, съ какой полнотою убѣжденія совершитъ онъ этотъ рѣшительный шагъ, рѣшитъ судьбу всей остальной его жизни. Можетъ быть, отъ этого и для другихъ его поступковъ будетъ или камнемъ назиданія или претыканія. Если же я въ этомъ случаѣ поступилъ не такъ, какъ должно было, то прошу васъ простить мнѣ. Съ истиннымъ почтеніемъ и безпредѣльною преданностію, испрашивая вашихъ св. молитвъ и благословенія, имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою и духовнымъ сыномъ. И. К. 28 Юля 1853 г.

Искренно любимый и безпредѣльно уважаемый батюшка.

Прежде всего прошу вашего св. благословенія. Если ваша лихорадка еще продолжается, то изъ посылаемыхъ вамъ на этой почтѣ лѣкарствъ извольте прежде принимать порошки, по 4 раза въ день, поутру, передъ обѣдомъ за полчаса, передъ вечернимъ чаемъ и передъ утреннимъ за полчаса, въ такой день, когда лихорадки не бываетъ. Если же придется такъ, что вы успѣете принимать два дня сряду передъ лихорадкою, то еще лучше. Можно принимать и въ тотъ день, когда она приходитъ, но только прежде ея приступа. Но если эти порошки окажутся не довольно дѣйствительными къ прогнанію вашей лихорадки, и послѣ принятія порошковъ лихорадка всетаки будетъ: то тогда извольте принимать пилюли такъ, какъ написано на ярлыкѣ, черезъ два часа по двѣ пилюли въ день передъ приходомъ лихорадки, чтобы успѣть ихъ принять все прежде, чѣмъ лихорадка приступитъ. Но прежде, чѣмъ принимать пилюли, надобно совершенно удостовѣриться, что у васъ точно лихорадка правильная, т. е. что въ определенное время приходитъ ознобъ и потомъ жаръ и потомъ потъ. Если же ваша болѣзнь этихъ правильныхъ признаковъ не имѣетъ, то можетъ быть это и не лихорадка, а другая болѣзнь, и тогда пилюль принимать не надобно, а лучше извольте тогда списаться съ докторомъ черезъ Н. Петровну.

Въ трехъ отпечатанныхъ листахъ Максима Исповѣдника вы изволите усмотрѣть многія переменны противъ рукописи. Изъ нихъ тѣ, которыя сдѣланы въ толкованіи на Отче Нашъ, кажутся мнѣ совершенно согласными со смысломъ перевода св. Паисія и много объясняющими темноту нѣкоторыхъ реченій, также и примѣчанія нѣкоторыя мнѣ кажутся весьма драгоцѣнными; наприм. примѣчаніе на стр. 16 и на стр. 25. Въ рукописи были нѣкоторыя слова поправлены рукою самаго м—а*). Видно, что онъ занимался этимъ дѣломъ. Но послѣ того, какъ рукопись была у митрополита, Голубинскій сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія и, кажется, напрасно. Наприм. онъ вставилъ въ текстъ слова на 16 стр. глаголя: „да пріидеть Духъ Твой Святый и да очиститъ насъ“. Что было драгоцѣнное поясненіе въ примѣчаніи, то дѣлается порчею книги, когда вставляется въ текстъ и приписываются святому писателю такія слова, которыхъ онъ не говорилъ. Но съ этимъ было дѣлать нечего. Однакоже другую вставку я взялъ на себя смѣлость вычеркнуть, потому что мнѣ кажется, что она можетъ навести на иное пониманіе. Голубинскій взялъ ее изъ рукописи Латинской, изданной Бернардинскими монахами. Для чего же изъ этихъ Латинскихъ изданій брать реченія, которыхъ нѣтъ въ переводѣ Паисія и приписывать ихъ Паисію? Это реченіе, о которомъ я говорю, находится на стр. 29. У Паисія было сказано: ниже яко иною йну; небо по производству отъ Единицы Троица, небытна (не создана) Суца и самоизъявлена. Голубинскій поправилъ: ниже видѣти яко ину чрезъ ину: небо посредствомъ коимъ либо соотношеніемъ тождественное и безотносительное, аки бы произведеніе къ винѣ своей относящееся, ниже яко отъ иныя ину: небо по производству отъ Единицы Троица, небезъимствована бытіе и муца и самоизъявлена суца. Здѣсь, какъ вы изволите видѣть, слова подчеркнутыя два раза у Паисія не находятся, и вставлены Голубинскимъ изъ Латинскаго изданія. Но, державши корректуры, я думалъ, что мы не имѣемъ права приписывать Паисію то, что онъ не писалъ, и что сомнительно даже, написалъ ли бы онъ и было ли въ какомъ нибудь текстѣ у Максима; ибо Латинскіе монахи въ такихъ случаяхъ не знаютъ совѣсти и легко присочиняютъ реченіе, чтобы приводить его въ подтвержденіе противъ ученія о Единой Винѣ Св. Троицы. Основываясь на этомъ чувствѣ, я вычеркнулъ слова, прибавленныя Голубинскимъ. Онъ можетъ ихъ поставить въ опечаткахъ, если захочетъ. Но васъ, батюшка, прошу сказать мнѣ, такъ

---

*) Т. е. митрополита Филарета. П. Б.

ли я поступилъ или слишкомъ самовольно. Въ другомъ же писаніи св. Максима, въ Словѣ Постническомъ, Голубинскій многое перемѣнилъ въ рукописи и, кажется, очень часто по напрасну, а иногда даже поставилъ и смыслъ (какъ мнѣ кажется) неправильный. Дѣлать было нечего. Потому, кажется, что рукопись была написана дурнымъ почеркомъ и съ ошибками грамматическими, онъ предубѣдился противъ всего сочиненія и увѣрился, что это переводъ не Паисія, а какого-то переводчика неопытнаго ни въ Греческомъ, ни въ Русскомъ языкѣ. Мнѣ же кажется, что онъ ошибается, а что переводъ носить характеръ Паисіевской системы до слова, а что поправки Голубинскаго не совсѣмъ удачны. Наприм. слово: смотрѣніе онъ напрасно замѣняетъ словами цѣль или намѣреніе. Мысль, что Господь терпѣлъ дѣйствія лукаваго изъ любви къ людямъ, которыми тотъ дѣйствовалъ, Голубинскій неправильно, кажется, замѣнилъ другою мыслию, говоря, что Господь наказывалъ лукаваго любовію къ людямъ. Не это, кажется, есть то наказаніе, которое определено лукавому. Такъ многое Голубинскій измѣнилъ по своему предубѣжденію. Все однакоже эта брошюрка, съ двумя писаніями св. Максима, есть по моему мнѣнію одна изъ самыхъ важныхъ, изъ самыхъ полезныхъ книгъ, которыя когда либо были у насъ печатаемы.

На 15 стр. сдѣлана одна непростительная опечатка Греческаго слова, и потому эта страничка будетъ перепечатываться. Въ Исаакѣ Сиринѣ мнѣ кажется очень нужно сдѣлать еще предисловіе отъ васъ, въ которомъ сказать, что Паисій, желая придать возможную ясность своему переводу, не нарушая буквальной вѣрности, обозначалъ въ своихъ рукописяхъ различнаго рода точками различныя отношенія между словами, которыя, въ Греческомъ языкѣ очевидныя сами собою, въ Словенскомъ сами собою не выражаются. О значеніи этихъ точекъ Паисій распространяется подробно въ концѣ своего предисловія, что Русскіе издатели не почли за нужное повторять, ибо въ предлагаемомъ изданіи объясненіе посредствомъ надсловныхъ точекъ замѣнено объясненіями внизу страницы. Такого рода предисловіе, мнѣ кажется, необходимо сдѣлать для того, чтобы во 1-хъ, оправдать Паисія, котораго разсужденія о различіи языковъ Греч. и Словен. иначе покажутся ни къ чему не ведущими, а во 2-хъ, для того, чтобы оправдать себя: ибо, печатая предисловіе Паисія и выбросивъ изъ него что-либо, нельзя не оговориться въ этомъ дѣйствіи, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣрности и въ неполнотѣ изданія. Это предисловіе можно будетъ напечатать послѣ Паисіевскаго и передъ его жизнію.

Вотъ уже вторая Пасха наступаетъ съ тѣхъ поръ, какъ мы надѣялись праздновать ее подъ звонъ большого колокола Софіи. Видно

времена начинаются, труднѣе чѣмъ мы предполагали. Парижскій архіерей открыто говоритъ въ рѣчи своей, что война не за Турокъ, а противъ Восточной церкви, и что прежніе крестовые походы были не противъ Магометанъ, а противъ раскольнической церкви, какъ они называютъ нашу святую православную церковь. Въ самомъ дѣлѣ, похоже что-то на послѣднія времена, какъ они предсказаны въ Апокалипсисѣ.

9 Апрѣля 1854 г.

Н. П. уже писала къ вамъ о той непріятности, которая случилась у насъ въ домѣ, какъ наши люди утащили у нашего сосѣда два мѣшка крупъ, и потомъ эти мѣшки найдены у насъ въ колодцѣ. Хотя сосѣдъ нашъ и оставляетъ это дѣло безъ послѣдствій, но я просилъ полицейскаго офицера сдѣлать розыскъ между нашими людьми, чтобы узнать, кто изъ нихъ сдѣлалъ это воровство. Завтра онъ будетъ допрашивать ихъ. Теперь я пишу къ вамъ объ этомъ подъ вліяніемъ той мысли сердечной, что если ваши св. молитвы помогутъ моимъ грѣшнымъ, то Господь защититъ невиннаго и насъ спасетъ отъ несправедливаго дѣйствія и домъ нашъ сохранитъ отъ разстройства и безпорядковъ. Особенно боюсь несправедливости и уже нѣсколько дней страдаю душой отъ необходимости дѣйствовать тамъ, гдѣ дѣйствовать темно и неудобно. 20 Апрѣля 1854 г.

Вчерашніе распросы полицейскаго не повели ни къ какому открытію. Сегодня онъ хотѣлъ придти опять распрашивать кучеровъ и стараться узнать изъ ихъ словъ виноватаго. Не думаю, чтобы и изъ этого вышло что-нибудь. Не знаю что дѣлать. Оставить безнаказанно такое явное воровство нельзя, а наказать невиннаго—еще хуже.

22 Апрѣля 1854 г.

Въ послѣдній разъ какъ я имѣлъ счастье видѣться съ вами въ Калугѣ, я просилъ васъ благословить мнѣ опять курить табакъ; ибо думаю, что послѣ двухъ лѣтняго воздержанія могу уже приступить къ этому съ умѣренностію и безъ страстности, между тѣмъ какъ послѣ тридцати слишкомъ лѣтней постоянной привычки я чувствую нѣкоторое неудобство для моего здоровья отъ такого совершеннаго измѣненія діеты; ибо прежде я курилъ безпрестанно. Такъ какъ дымъ табачный имѣетъ нѣкоторое сходство съ дѣйствіемъ вина, то я такъ приучилъ къ нему нервы мои, что при теперешнемъ отсутствіи куренія чувствую почти постоянно связанность въ головѣ и нѣкоторую неловкость въ горлѣ и груди. Это нѣсколько облегчается, когда я вхожу въ комнату, наполненную дымомъ. Вы тогда приказали мнѣ поговорить объ этомъ съ митрополитомъ и попросить у него благословенія; но я до сихъ

порь не имѣлъ случая бесѣдовать съ нимъ объ этомъ, да и признаюсь, совѣщусь объ этомъ говорить ему. Безъ вашего же благословенія приступить къ этому мнѣ не хотѣлось бы.

27 Мая 1854 г.

То состояніе умственной сдавленности, которое я испытывалъ прежде, когда на время оставлялъ трубку, и теперь послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ чувствуется мною. Я нахожусь обыкновенно въ состояніи чловѣка, на котораго, какъ говорится, нашелъ тупикъ. Я затрудняюсь въ мысленныхъ движеніяхъ, часто ищу самаго обыкновеннаго слова. Иногда, начиная говорить, я съ трудомъ удерживаю въ памяти конецъ того, что хочу сказать. Иногда замѣчаю, что посреди разговора я задумался, не отъ увлеченія какой нибудь сильной мыслию, а отъ слабости, съ которою переворачиваю обыкновенныя. Ежедневно почти собираюсь писать задуманное сочиненіе и до сихъ порь не написалъ ничего, съ трудомъ собирая мысли. Но въ тоже время какъ умственная дѣятельность моя слабѣла, страстная сдѣлалась еще раздражительнѣе.

Прошу васъ также, милостивый батюшка, помолитесь Господу и о томъ, чтобы дѣло рекрутства, которое теперь по моему предписанію совершается въ Долбинѣ, было исполнено безъ несправедливости, съ возможнымъ меньшимъ зломъ и вредомъ для несчастныхъ семействъ и для имѣнія. Это лежитъ у меня на совѣсти, потому что я самъ не могъ поѣхать туда. И. К. 27 Іюля 1854 г.

*

Митрополитъ взялъ у меня для просмотра нѣкоторыя рукописи изъ представленныхъ въ цензуру, т. е. Сотницы Аввы Фалласія и главы Каллиста Антиликуды. Вчера я былъ у него съ Зедергольмомъ, желавшимъ получить его благословеніе, и онъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что прочитавъ Сотницы А. Фалласія и думаетъ, что они должны бы быть изданы особою книжкою, что въ нихъ много полезнаго, но читатели вообще лѣнны на духовное чтеніе и большой книги испугаются, а маленькую скорѣе прочтутъ; но что въ переводѣ есть много темнаго, и онъ желалъ бы, чтобы вы поступили съ нимъ также, какъ съ книгою Исаака Сирина, т. е. приказали бы переписать ее четкимъ шрифтомъ и, сличивъ съ подлинникомъ, приложили бы краткія поясненія внизу страницъ, а гдѣ найдутся явныя ошибки переписчика Словенской рукописи или переводчика, тамъ поправили бы въ самомъ текстѣ. Вообще, кажется, онъ очень доволенъ изданіемъ Исаака Сирина и желалъ бы, чтобы и другія книги были изданы такимъ же образомъ.

Что же касается до Каллиста Антиликуды, то онъ еще не успѣлъ прочитать, а только началъ и, судя по началу, сомнѣвается, полезно ли

будеть его напечатать, потому что онъ кажется ему очень труденъ для пониманія: мысли сжаты и собраны многія въ одинъ клубокъ такъ, что не каждый распутаетъ ихъ. „Я не знаю, прибавилъ онъ, для чего печатать много; не лучше ли ограничиться немногимъ, явно полезнымъ? Свѣтская литература представляетъ намъ невыгоды многого печатанія. Тамъ врагъ человѣческаго рода постарался устроить такъ, что хорошія книги задавлены грудой бесполезныхъ, такъ, что до нихъ и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подвергалась такой же участи?“ Я отвѣчалъ ему, что ваше желаніе преимущественно то, чтобы изданы были рукописи, переведенныя Св. Паисіемъ, какъ человѣкомъ, который, бывши глубоко знакомъ съ духовною литературою, выбиралъ изъ всѣхъ книгъ самыя полезныя.

5 Ноября 1854 г.

*

Между тѣмъ, какъ міръ православный встрѣчаетъ новый годъ, хотя въ молитвахъ, но съ опасеніемъ и страхомъ за будущее, Западный міръ въ упоеніи радости отъ новаго догмата вѣры, который ихъ папа разсудилъ за благо имъ объявить, т. е. догматъ о безгрѣшномъ зачатіи Пр. Дѣвы,—догматъ, которымъ, кажется, самое основаніе христіанскаго ученія разрушается. Видно, что Богу угодно ихъ заблужденіе довести до крайняго обличенія, можетъ быть, на пользу и утвержденіе истинно вѣрующихъ. 31 Декабря 1854 г.

*

Сознаюсь, что занятія мои шахматной игрой дѣйствительно дошли до излишества и до нѣкоторой страстности. Подлѣ меня постоянно стояла маленькая дощечка съ разставленными шашками, которая безпрестанно оттягивала мои мысли отъ другихъ занятій къ себѣ. Сначала я поставилъ ее для того, чтобы только въ минуты свободныя отъ другихъ занятій разбирать на ней замысловатые ходы; а потомъ ее всегдашнее присутствіе передъ глазами мало-по-малу отвлекало меня отъ другихъ важнѣйшихъ занятій. Я уже и самъ начиналъ чувствовать это излишество и признаюсь вамъ, что наканунѣ полученія вашего письма довольно усердно молился Богу, чтобы Онъ далъ мнѣ силу избавиться отъ этой страстности. Однакоже до вашего письма силы въ себѣ не находилъ. Получивши же письмо ваше, я убралъ свою дощечку съ шашками и заперъ въ шкафъ. Кромѣ того я положилъ себѣ на двѣ недѣли совсѣмъ не играть даже съ игроками, которые будутъ прѣзжать ко мнѣ, а по истеченіи этого срока играть съ умѣренностію и дощечки подлѣ себя уже не ставить. Но къ удивленію моему я замѣчаю, что это рѣшеніе дѣйствуетъ на меня почти также мучительно, какъ самый строгій постъ.

Недавно я слышалъ достовѣрное извѣстіе о томъ, какъ защищалась наша крѣпость Бомарсундъ на Аландскихъ островахъ и, полагая, что вамъ любопытно будетъ слышать это, спѣшу сообщить. Въ крѣпости было гарнизону всего 1200 чел. Больше не могло помѣститься. Государь хотѣлъ еще прошлаго года вывезти это войско въ Россію, но жители упросили его не оставлять ихъ совсѣмъ беззащитныхъ. Теперь же, когда весь Англофранцузскій флотъ вознамѣрился атаковать ее, то Императоръ послалъ сказать гарнизону, что онъ позволяетъ ему сдаться, потому что силы нападающія несоразмѣрны ихъ малому числу. Комендантъ Бодиско собралъ совѣтъ, и всѣ единогласно рѣшили просить у Императора позволенія не сдаваться, а если придется необходимость, то умереть, не уронивъ чести Русскаго имени. Съ приказаніемъ Императора и съ отвѣтомъ гарнизона ѣздилъ на маленькомъ суднѣ адъютантъ министра Шеншинъ, который удачно умѣлъ пробраться мимо всѣхъ непріятельскихъ кораблей и привезъ отвѣтъ, онять въ другой разъ проѣхалъ туда, а оттуда тоже безвредно. Между тѣмъ Бодиско сжегъ всѣ предмѣстья, всѣ деревни и дома вокругъ крѣпости и, затворившись въ ней, вмѣстѣ со всѣмъ гарнизономъ началъ готовиться къ смерти молитвою, исповѣдью и причащеніемъ св. Тайнъ. Въ это время окружилъ крѣпость флотъ изъ 15 линейныхъ кораблей, не считая малыхъ судовъ, на островъ же высажено было болѣе 1200 сухопутнаго войска. Больше тысячи пушекъ безумолку день и ночь разрушали стѣны, жгли дома и убивали людей въ продолженіи 10 сутокъ. Русскіе отстрѣливались, потопили одинъ линейный корабль, другой разбили такъ, что сдѣлали его совсѣмъ неспособнымъ къ плаванію. Но, не отдыхая ни день ни ночь, они такъ устали, что едва могли стоять на ногахъ. Непріятель разрушалъ стѣны въ прилежащемъ къ крѣпости особомъ укрѣпленіи, и тѣмъ принудилъ находящееся въ немъ войско перебраться въ главную крѣпость, а самъ занялъ полуразрушенное укрѣпленіе. Но въ немъ находился погребъ съ порохомъ. Русскіе изъ крѣпости стрѣляли туда, попали въ пороховой погребъ и взорвали съ нимъ большое количество непріятельскаго войска. Однакоже стѣны крѣпости были послѣ 12 дневной осады совсѣмъ разбиты, и войско утомлено до совершеннаго изнеможенія, почему непріятель вошелъ въ нее и взялъ въ плѣнъ оставшихся живыми. Говорятъ, что изъ офицеровъ остались живыми только два, а изъ солдатъ число неизвѣстно. Французскій генералъ Бараге-Дилье такъ пораженъ былъ ихъ мужествомъ, что первое, что сдѣлалъ, когда ему привели плѣнныхъ офицеровъ, возвратилъ имъ шпаги въ знакъ уваженія къ ихъ доблести. Потеря ихъ, говорятъ, большая. Честь Русскаго войска и духъ его не уронены*).

*) На гибель Бомарсунда написана по латынѣ и посвящена Наполеону III-му хвалебная ода Адамомъ Мицкевичемъ, нѣкогда, по Московскои его жизни, пріятелемъ И. В. Кирѣевскаго. П. Б.